

ПУБЛИЦИСТИКА ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА*

Как указывает заглавие книги, А. Рубашкин рассматривает лишь антивоенные и антифашистские мотивы, занимающие центральное место в публицистике И. Эренбурга. Местами, правда, содержание монографии перестает соответствовать ее названию. Так, одна из глав посвящена книге «Мой Париж», не имеющей прямого отношения к теме войны и фашизма, но она не кажется лишней, ибо позволяет лучше понять и отношение писателя к западно-европейской действительности, и некоторые особенности его очеркистского мастерства. Местами, наоборот, А. Рубашкин себя слишком ограничивает — ни слова не сказано о корреспонденциях И. Эренбурга с процесса Горгулова (1932), в которых разоблачаются антисоветские интриги «белой эмиграции»; досадно коротка и конспективна глава «Дело жизни» — об участии И. Эренбурга в движении сторонников мира в послевоенные годы. Здесь на первом плане биографические факты (интересные и нужные), но серьезного анализа статей последнего десятилетия не дано, эволюция стиля не показана. Не привлекли внимания исследователя и публицистические мотивы в книге «Люди, годы, жизнь».

Однако не будем «жестоки и придирчивы». Даже при наличии этих пробелов труд А. Рубашкина значительно обогащает представление широкого читателя о творчестве Ильи Эренбурга. Автор рассказывает о первой книге Эренбурга-прозаика «Лик войны» (1920); о памфлете «Разлагающаяся Европа» (1924), никогда не вышедшем отдельным из-

данием; о путевых очерках 20-х годов, собранных в книге «Виза времени»; об оригинальных «хрониках»; о книгах 30-х годов — «Испания», «Затянувшаяся развязка» и «Границы ночи»; об очерках, посвященных борющейся Испании и оккупированной Франции. Так, шаг за шагом мы подходим к блестящим статьям и памфлетам периода Великой Отечественной войны, к очеркам-раздумьям 50-х годов — «Япония, Индия, Греция». Мы постигаем идейную эволюцию писателя, постепенно превращающегося из наблюдателя в борца: «Все меньше и меньше смотрел Эренбург на мир глазами проезжего, все больше было в его глазах дружеского участия и ненависти, боли и радости, не только иронии, но и пафоса» (стр. 48).

Наблюдения над стилем — едва ли не самое привлекательное в книге. А. Рубашкин отмечает «свободное, органическое слияние документа... и образа, повествования и эмоционально-взволнованной речи» (стр. 206), говорит о влиянии кино на стиль И. Эренбурга, об афористичности языка писателя, о своеобразном ритме его прозы и т. д.

Заслуживают внимания и те страницы книги, на которых показано, как мотивы статей и очерков писателя получили своеобразное преломление в его романах. Лучше всего это сделано А. Рубашкиным на примере «Падения Парижа»; есть верные замечания и относительно «Хулио Хуренито». Можно было бы ожидать, что в указанном плане будет рассмотрен также роман «Буря», вобравший в себя многое из военной публицистики И. Эренбурга, но это ожидание не оправдывается.

* А. Рубашкин, Публицистика Ильи Эренбурга против войны и фашизма, «Советский писатель», М.—Л. 1965, 378 стр.

Однако в книге есть упущение более серьезное: читатели хотели бы уяснить своеобразное место И. Эренбурга среди других мастеров художественной публицистики. Но историко-литературные параллели проводятся А. Рубашкиным крайне редко и приводят к неравноценным результатам. Удачен сравнительный анализ испанских очерков И. Эренбурга и М. Кольцова. Удачен потому, что органичен. Оба писателя были в Испании в одно и то же время и занимали одинаково активную общественную позицию, будучи в то же время очень различными художниками. Здесь сопоставление напрашивалось само собой.

Но вот очерки И. Эренбурга о первой мировой войне исследователь сближает с очерками А. Толстого «На войне», причем показано не различие писательских индивидуальностей, а сходство авторских позиций, да и сходство-то чисто негативное: статьи обоих писателей «весьма отличались от официальных выступлений» и т. п. (стр. 23). Это звучит слишком общо и приблизительно. Внутренней необходимости в такой параллели не было: А. Толстой выбран потому, что он «тоже хороший писатель». Скорее нужны были бы параллели с книгой П. Лентье «С батареей 75 мм»; в пределах русской литературы — с книгами Ф. Степуна «Из писем прапорщика-артиллера» и С. Федорченко «Народ на войне», — ведь сам И. Эренбург считал свои очерки «некоторым дополнением» к книгам этих писателей, которые «живым и трепетным голосом говорили о ее (войны.— Е. Л.) неисчислимых ликах»¹.

Анализ «Лица войны» вообще

малоудачен. Позволю себе остановиться на этом, так как убежден, что «Лик войны» забыт незаслуженно и достоин изучения.

А. Рубашкин, в сущности, отождествляет «Лик войны» с корреспонденциями, печатавшимися в газетах «Утро России» (1915—1916) и «Биржевые ведомости» (1916—1917); можно напомнить и об очерках в журнале «Лукоморье» (1916—1917). Он ссылается то на книгу, то на газеты, не проводя никаких разграничений. С этим никак нельзя согласиться. Корреспонденции писались без единого плана, каждая из них была подсказана новыми впечатлениями. Действительность «не давала конца», чтобы осмыслить сущность войны. Книга же, построенная на материале этих корреспонденций, создавалась после окончания войны и — что еще важнее — после Октябрьской революции, не сразу верно понятой писателем, но все же оказавшей на него определенное влияние. Слова «Лик войны», стоявшие в заглавии одной из корреспонденций, стали названием книги и приобрели более емкий смысл. Книга имеет единый план, единую концепцию, и в процессе работы над ней перед Эренбургом-прозаиком встала проблема, так сказать, жанрового «самоопределения». В статье «Леон Блуа», выступая в защиту прогрессивного писателя от буржуазной критики, И. Эренбург с иронией писал: «Десятки книг, романы, дневники и еще книги «обо всем» — о Христе, о деньгах, об искусстве, о войне — все это определялось одним ярлычком «памфлет». И далее, кратко охарактеризовав некоторые произведения Блуа, И. Эренбург возобновляет полемику: «Почему ж это «памфлет»? Почему Блуа «отверженный» во французской литературе?

¹ И. Эренбург, Лик войны (Во Франции), Российско-болгарское книгоиздательство, София, 1920, стр. 3.

Блуа не хотели простить его великой пламенной ненависти, столь несвойственной нашим дням, ни горячим, ни холодным»¹.

Здесь изложена и программа самого Эренбурга. Эти слова объясняют тяготение молодого Ильи Эренбурга к литературе обличительной по содержанию, по форме же неканонической, к книгам «обо всем», сочетающим элементы романа, дневника, памфлета... короче, к гибриднему жанру, черты которого верно обрисованы А. Рубашкиным при анализе позднейших произведений И. Эренбурга, но который берет начало в «Лике войны».

Существенный недостаток монографии А. Рубашкина состоит в том, что в ней не до конца преодолен один литературоведческий шаблон. Подросток из «Границ ночи» напоминает А. Рубашкину «маленького Пепе из итальянских сказок М. Горького». Чем напоминает? Тем, что «он не хочет верить, что вырос зря» (стр. 148). В ряде статей 1941—1945 годов «Эренбург продолжает традиции М. Горького, который в статьях о Западе обильно использовал буржуазные газеты и журналы» (стр. 281). Неужели использование буржуазной прессы — признак именно горьковских традиций? Все советские литераторы, и Илья Эренбург в их числе, с уважением произносят имя Горького. Но писательская биография И. Эренбурга сложилась так, что стать учеником Горького он не мог. У него были другие учителя, и об одном из них — Герцене — А. Ру-

башкин говорит очень точно. К сожалению, в монографии не разработан вопрос о связи творчества И. Эренбурга с традициями французской публицистики. Известно признание самого писателя: «...касаясь одной стороны моей литературной работы, а именно газетных памфлетов, я могу прямо сказать, что очень многому научился у Валлеса»¹. И действительно, в статьях Жюль Валлеса периода Коммуны есть «эренбурговское до Эренбурга»: предельный лаконизм, афористичность, сочетание иронии с прямым выражением чувств.

Много верных наблюдений сделано А. Рубашкиным над статьями И. Эренбурга, созданными в годы второй мировой войны, но с утверждением: «...успех этой публицистики, ее действенность, ее необходимость были обусловлены не только умением построить фразу или удачно использовать образ. Просто бывают моменты, когда тот или иной писатель, может быть, больше других проникается чувствами, настроениями, болью своего времени» (стр. 286—287), — вряд ли можно согласиться. Верно, что И. Эренбург очень глубоко проникся «болью своего времени». Но разве это основание для того, чтобы недооценивать значение «литературного приема»?

Книга А. Рубашкина продолжает начатое покойной Т. Трифоновой изучение творчества замечательного советского писателя.

Еф. ЛАНДАУ

г. Алма-Ата

¹ «Понедельник власти народа», 11 марта (26 февраля) 1918 года.

¹ Илья Эренбург, Французские тетради, «Советский писатель», М. 1958, стр. 55.